

29. Орлов Ю. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. М.: Аргументы и факты, 1992.
30. Коврижкин В. Под гнетом власти роковой // Томский вестн. 1995. 17 февр.
31. Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1997.
32. Зезина М. Р. Из истории общественного сознания периода «оттепели». Проблема свободы творчества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1992. № 6.
33. Политические партии России в контексте ее истории / Под ред. С.М. Смагина. Ростов н/Д, 1998.
34. Петренко М. С. Партийные организации Западной Сибири в борьбе с проявлениями инакомыслия (1956–1959 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–X вв. Материалы 4-й регион. науч. конф. Новосибирск, 1999.
35. Статистические сведения о числе лиц... // Источник. 1995. № 6.
36. Кузовкин Г. Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Корни травы: Сб. ст. М., 1996.
37. Алексеева Л. М. Инакомыслие в СССР: Новейший период. М., 1992.
38. Иофе В. Политическая оппозиция в Ленинграде 50–60-х гг. // Звезда. 1997. № 7.
39. Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990.
40. Петренко М. С. Усиление деструктивных тенденций в обществе в 1950-е гг.: западносибирский вариант // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования. Сб. науч. тр. / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск, 2002.

Т. К. Щеглова

Алтайская деревня в 1950–1970-е гг.: устная история безгласного большинства

Программы учебного курса... / Программа курса «История Алтайского края в XX в.» для 9 кл. Раздел: X. Алтайский край в 1950-х — первой половине 1980-х гг.; Программа курса «История Алтайского края со второй половины XIX в. до наших дней» для 11 кл. Разделы: XV. Алтайский край после Великой Отечественной войны (1946 г. — нач. 60-х гг.), XVI. Алтайский край в сер. 1960-х — сер. 1970-х гг.

1. Устная история как источник и метод исследований сибирской деревни XX столетия

В отечественной научной практике сложились определенные традиции «историописания» с опорой на значимые события (событийная история): жизни выдающихся личностей, массовые явления (войны, революции, реформы и т. п.), которые связаны с мегаполисами. Такой же подход обусловил доминанту в содержании учебных пособий, в том числе региональных, которые зачастую представляют собой историю городов. Сельская история с малым числом участников в силу своей повседневной будничности занимает скромное место. Аграрная история (зарубежный аналог — Rural history) сводится к анализу количественных и качественных изменений в развитии сельского хозяйства (урожайность, товарность, техника обработки). Широкое развитие в 1990-е гг. получило крестьяноведение, известное за рубежом как Peasantry. Собирательное название расширяет объект изучения и

обуславливает привлечение междисциплинарных методов исследования. Сдерживает развитие сельской истории ограниченность традиционной методической, методологической и источниковой базы. На современном этапе обозначилась потребность в поиске новых решений, в том числе в зарубежной практике.

Одной из особенностей сельской истории является массовость действий, обезличивающих события. В условиях гуманизации исторических знаний целесообразно обратиться к опыту изучения и введения в официальную историю голосов рядовых участников. Для этого кафедрой отечественной истории и лабораторией исторического краеведения БГПУ были использованы методы устной истории (oral history), которые реализовывались с 1990 г. через программу «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» (руководитель – д-р ист. наук Т. К. Щеглова). Одним из ее направлений является интервьюирование участников и очевидцев переустройства алтайской деревни в XX в. о развитии единоличного хозяйства, коллективизации и раскулачивания, укрупнении колхозов, ликвидации неперспективных сел и других кампаниях [1].

В государственных архивах отложились односторонние официально-статистические материалы. Жизнь людей в них не отражается, как не отражается и отношение народа к историческим событиям и деятелям. В этом смысле сельская устная история является протестом против «безликой» истории и отсутствия в ней главного действующего лица – рядового человека. Зарубежные устные историки формулируют этот протест так: «Большинство книг и документов не могут рассказать обо всем. В основном они сконцентрированы на знаменитых и известных событиях, избегая обычных людей, которые могут рассказать о повседневной жизни... Каждое воспоминание – это смесь фактов и суждений, и каждое из них важно. Уже то, как люди воспринимают какие-либо события, само по себе является историей. У нас появляется возможность сравнить восприятие одного и того же события в разных интерпретациях» [2]. Крестьянский мир России, по мнению О. М. Вербицкой, также был вне поля зрения государства и историков, которые рассматривали деревню как некую «абстрактную систему единства производительных отношений и производительных сил» [3, с. 7]. Устная же история вводит в науку сельского жителя.

Ш. Рейнхарц отмечает, что «устная история, в противовес письменной, более пригодна для получения информации о тех людях, которые в меньшей степени участвуют в создании письменных документов, а также для восстановления исторических отчетов о событиях, которые не отражаются в архивных материалах. Поэтому особенно подходящими кандидатами для исследований устной истории являются представители более уязвимых соци-

альных групп» [4, с. 45]. К ним относятся рядовые сельчане. Пример — судьба учительницы М. В. Петровой из ликвидированного с. Ключи: «Когда я приехала, и речи не было, что село исчезнет. Это как-то враз произошло, когда стали села закрывать. Тогда Ключи в мелкие отнесли. До 1963 г. ни одна семья не собиралась ехать. Наоборот, приезжали, дома строили. Я в августе по запросу районо сделала перепись первоклашек... вдруг мне в совете говорят: „Село закрывается. Промкомбинат закрыли. Люди разъедутся. Школу закрываем...“ У меня в трудовой книжке числится запись о переводе в Верх-Алейку „в связи с закрытием школы“. Никакого другого сообщения не было. Из района приехали и объявили: „Поселок сносится“. Люди стали дома продавать. Можно сказать, разогнали село...» [5, с. 89]. Гражданская несправедливость и несостоятельность как черта жизни рядовых участников отразилась в рассказе М. П. Калюжной о селе, попавшим под Гилевское водохранилище: «Дома обмеряли, обмеряли и ничего не говорили. А потом, в 1971 г., ... заплатили — и делай, что хочешь. Бросай дом, сжигай. На эти деньги шапку парнишке купили. Муж смеялся — дом продали, а шапку купили».

Одним из упреков устной истории со стороны традиционной практики является недостаточная достоверность источника. Однако сама подобная формулировка проблемы неверна. Устная история рассматривает исторические события, значимые для сельских жителей, через их восприятие, поэтому она не является уникальным методом, а использует методы истории, психологии и социологии и одновременно переосмысливает эти дисциплины. С. Армитаж считает важным признание междисциплинарного характера устной истории. В последнее время синонимами понятия «устный исторический источник» часто выступают «интерпретация», «толкование», «истолкование способа мышления», «меморат», «личная история» и т. д. Мы считаем, что устные истории не просто излагают факты, а постигают опыт. Конечно, в порайонных историко-этнографических экспедициях восстанавливается территориальная поселенческая сеть каждого района, создается картотека исчезнувших сел. Но установка историков-хроникеров на событийную сторону устного источника, сопоставление устных «свидетельств очевидцев» для выяснения точности факта является неправильной и даже вредной. Речь идет о соотношении количественных и качественных методов исследования в исторических изысканиях. До сих пор «личные свидетельства», как основанные на «субъективных показаниях», отрицались многими историками, которым важнейшим представлялся поиск средних статистических показателей. В устных же интерпретациях надо искать «взгляд» на события, имея в виду его самостоятельную ценность.

Как отмечает Т. Шанин, историческим событиям присущ дуализм [6, с. 318]: с одной стороны — фундаментализм, который поддается внешнему

наблюдению и может быть представлен количественно; на основе количественных данных делаются обобщения (статистический анализ), с другой стороны – способность сельского сообщества и его членов (объект исследования) по-разному реагировать на исторические события, саморефлексии, право выбора, ошибок и их предупреждения и тому подобные характеристики, для изучения которых требуются особые методические подходы и средства. В устных источниках «чувство времени информантов не является строго линейным», а сами «устные свидетельства неоценимы для историков, ищущих такую информацию, которую трудно или невозможно найти в письменных документах» [7, с. 66]. Что касается достоверности устного источника, то любой письменный источник может создаваться предвзято и нести на себе классовую, политическую, национальную, половую, идеологическую субъективность.

В этом смысле устная история используется для выявления эмпирических закономерностей. Отечественная практика прошла уже период гласности и переписывания истории, когда к устной истории относились как к панацее от двух бед, способствующей 1) заполнению пустых мест в традиционной истории (в отечественной интерпретации – «белых пятен», или «лакун») «в целях компенсации отсутствия других источников; 2) написанию «лучшей», или «более чистой», версии истории (в отечественной практике – очищению от стереотипов, идеологием или мифологием). Материалы интервьюирования показали что государственная и сельская жизнь развивались параллельно на протяжении всего XX столетия, а периоды их пересечений связаны с реформами в аграрной политике, во время которых сохранялось устойчивое противопоставление «она (власть) и мы», «официальная и народная интерпретация событий».

Устойчивым в устных источниках является эмпирическая закономерность противопоставления центральной власти (гарант справедливости) и местной («супостаты»). Особенно ярко это проявляется при характеристике сталинской эпохи, которая в оценке большинства информаторов отличалась «образцовым порядком» (эмпирическая реакция на реалии сегодняшнего дня). Что касается беззаконий, то вина снимается со Сталина, который «ничего не знал, от него же все скрывали», а в «перегибах» обвиняется местное партийное начальство. Сохранению такой оценки, даже после массовых публикаций источников и гласного обсуждения репрессий, способствовал ряд факторов прошлой жизни: малограмотность крестьян, слабое развитие средств массовой информации, что обусловило информационную оторванность регионов и закрепило традиционные для российского крестьянства «монархические чувства». Крестьяне так объясняют: «Газет раньше не читали. Радио и часов не было, только по солнышку узнавали. В колхозе сами

„радио“ собирали – собрания были. Но я не слухала, а если слухала – ничего не понимала» (Матысина Е. И., 1912 г. р.). В такой обстановке сохранялась враждебность к местной власти и доверие к центральной. Как образно высказалась старая казачка К. К. Кирьянова (1912 г. р. с. Верх-Алейка), «деревню раскурочили начальники. Начальникам-то делать нечего». Жестокие методы раскулачивания и репрессий, которые ассоциировались «со своими же» (непосредственными исполнителями), выработали чувство беспомощности перед всемогуществом местной власти и привычку к беспрекословному подчинению. Как образно сказала М. С. Нисина, «раз верхние склоняют, куда ведут – иди». Поэтому во время ликвидации сел сработал «инстинкт самосохранения»: «собрали колхозное собрание и сказали: „Вот так, кто куда желает, только чтобы из поселка уехали“» (Большой Луг, 1970 г., Третьяковский р-н).

При этом, сопоставляя развитие крестьянской экономики с колхозно-совхозной, старожилы дают низкую оценку компетентности управленцев. С. И. Гуляев (1912 г. р.) рассказывал, что в Ново-Тырышкино (Смоленский р-н) «было одиннадцать колхозов. Все поели: коров, лошадей. Распустили. Потом опять собрали. Одиннадцать председателей, одиннадцать заместителей и одна старуха вяжет, они над ней командуют». Об одном из них: «бабы коноплю мяли, а он говорит им „хорошо, на семена пойдут“»

Устные источники помогают выяснить и причины устойчивой враждебности в оценках местной администрации: при негативной интерпретации укрупнения сел сельчане одобрили то, что отражало эмпирические настроения, – удар «по начальникам». П. И. Бухтояров подвел итог: «Решили укрупнить села, а зачем – не знаю. Из мелких шести сел печати забрали, одному дали. Укрупнили – меньше дармоедов стало, председатель один».

Особенностью сельских устных источников является латентность информации в силу дуалистичности мировоззрения советских крестьян. Во-первых, только в последнее десятилетие крестьяне научились открыто высказывать свои суждения, хотя до сих пор используют эзопов язык (страх перед словом). Во-вторых, устные рассказы отражают глубинное историческое мироощущение, которое не совпадает с официальной историей. Рассмотрим это на примере рассказа крестьянки А. С. Косачевой-Ковыршиной: «Когда стали заставлять из Петровки наш дом перевозить в Чернопятово... мы с мужем в Касмалу вернулись. Взяли колхозный дом, отремонтировали. Тут приехали председатели колхоза и сельсовета: отдайте дом для нового счетовода. А я вечером в передний угол повесила портрет Ленина (психологический прием смешения православной традиции и политического экстремизма), и когда председатели снова пришли, я им говорю: „А вот вы сначала его вынесите! – И показываю на Ленина. – Остальное я сама вынесу“. Они опе-

шили: „Как так?“ Я им: „Он нам не такую жизнь обещал!“ Долго нас не отпускали, мучили. Потом мы решили написать главному по сельскому хозяйству в Москве (Полянскому) (монархические настроения). Письмо аж в Новосибирске спустили (традиционное неверие и уверенность в тотальном контроле и беспределе местных властей). И всё! Оставили нас!» В данном случае устная сельская история предлагает пути интегрирования сельской жизни в историческое учение и исправляет перекосы в письменной истории.

Вместе с тем на основе сравнительных жизнеописаний участников событий устная история отражает палитру мнений и чувств и одновременно выявляет в советском времени социальную дистанцию. Официальная история – это интерпретация исторических событий через восприятие истории чиновничье-партийным персоналом, которые вспоминают историю не так, как крестьяне. Устные же истории делаются двумя пересекающимися группами: «голоса» колхозников и рабочих совхозов расходятся с голосами партийно-колхозно-совхозной элиты. В этом смысле «личные истории» при том или ином событии «полезны для того, чтобы представить какую-либо социальную группу более зримо». «Персонализированная форма рассказа» помогает формировать социополитическое понимание событий и стоящих за ним сил, структуру взаимоотношений. В этом плане удачным представляется использование термина «толкование» для обозначения интерпретации происходящих событий очевидцами и участниками, а для самих рассказчиков – «толкователи». Такой подход отражает аргументы каждой стороны, позволяет сравнить позицию той и другой стороны и диагностировать перспективу социального и политического развития.

На разных полюсах находится два толкования укрупнения колхозов в Павловском районе. Первое толкование – председателя сельского совета (Чернопятово) П. И. Дулепина: «...разорил Петровку я. Жалко было [реакция по-человечески]. Местность хорошая, но воды не было... [фраза-размышление] сейчас бы современной техникой дали воду Начали укрупнять в 1954 г.» После этого фраза-оправдание: «Казусов не было, люди спокойно отнеслись. Колхоз помогал перевозить дома. Необходимо было сконцентрировать на центральной усадьбе и технику и школу, чтобы людям было удобно. Мы разговаривали с людьми, объясняли постановление партии [реакция партийца-чиновника]. Ну, если бы укрупнения не было, села бы до сих пор жили. Были люди, которые не хотели уезжать».

Второе толкование – жителя исчезнувшего села, соседнего Быково, И. Н. Зазвонова: «Дома (в селе) были большие и круглые. Три двухэтажных дома [показатель крестьянского благополучия]... рядом через реку Касмалу было село Российка [исчезло] – богатые люди жили и дома большие были [фраза-недоумение, так как видимые признаки благополучия налицо]... Ос-

тальные, самые лучшие дома люди сами перевезли. Колхоз не помогал [фраза-обвинение]...» Далее — фраза-размышление: «А поехали потому, что фермы ликвидировали — перенесли на гору, а контору в Нагорное. Школу закрыли, перевезли в Чернопятово... Думали, что все из Быково в Нагорное переедут. А как людям дом перевезти? Нужен новый лес. Колхоз дома не помогал переносить, лесу не выпросишь. Если бы помогал, то все бы сюда перетасились. И колхоз не стал народ держать. Едут, ну и пусть едут».

Таким образом, устная история создает новые источники, которые не являются универсальными и совершенными, впрочем, как и письменные, но приближают исследователей к комплексному анализу объекта исторической науки. Методы устной истории (качественные) помогают понять количественные (закономерности, тенденции, кризисы, подъемы и т. д.) и дополняют друг друга.

2. Реорганизация деревни в 1950–1970-е гг.: представления и суждения

История коллективной жизни человека на протяжении многих тысяч лет проходила в созданных им поселениях. Одни создавались в связи с производственной необходимостью, другие — с оборонительной. Многие существуют века, другие — десятки лет. Миграционные процессы и развитие сети населенных пунктов, в том числе гибель одних и возникновение других, составляют часть исторического процесса.

В XX столетии существовало два пути селообразования: крестьянский (до 1930-х гг.) и советский. Они различались соотношением объективных и субъективных факторов. Влияние субъективизма (волютаризма, администрирования, идеологического заказа) особенно характерно для советской эпохи, его ярким примером являлось административное регулирование развития сети населенных пунктов с делением их на перспективные и неперспективные. Реорганизация деревни осуществлялась традиционным для советской практики путем — «кампаниями» и отличалась динамичностью. Ритмичность реформирования аграрного сектора советской экономики обеспечивалась государственными усилиями, в соответствии с которыми развитие села прошло ряд этапов, каждый из которых начинался с новой директивы партии и правительства. В предыдущий период (до 1930-х гг.) формирование сельских населенных пунктов (их число, формы) определяла производственная необходимость освоения единоличными хозяевами новых пахотных угодий и крестьянская традиция разукрупнения сел с выселением на заимки. Поэтому до 1930-х гг. число сельских поселений на территории Алтайского края неуклонно росло: с 2 тыс. в 1830 г. до 5 тыс. в 1926 г. За советский период число сельских населенных пунктов Алтайского края сократилось в 3,6 раза: с 5 800 в 1926 г. до 1 624 в 1989 г. и 1 611 — в 1991 г., при общем со-

кращении численности населения Алтая: с 2 286,8 тыс. чел. в 1926 г. до 1 107,2 тыс. чел. В результате в советский период на территории края произошла перегруппировка населения между городом и деревней. В 1926 г. в селах проживало 92,2% населения, в городах — 7,8%, а в 1989 г. — соответственно 57,9% и 42,1%. Переломным периодом в демографической переориентации явились 1950–1970-е гг. с очередным советско-административным переустройством российской деревни в ходе в реализации политики укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных сел. Если в 1939 г. сельское население составляло 82,6%, городское — 17,4%, то в 1959 г. (после первого этапа укрупнения колхозов) сельское население сократилось до 66,6%, в 1970 г. — до 52,8%, а в 1975 г. численность городского населения впервые превысила половину населения края и составила 50,5%, сельского — 49,5% [8].

2.1. Укрупнение колхозов: история снизу вверх

Метод устной истории, как и все качественные методы исследования (в противовес количественным — обработка массового, сопоставимого, в том числе статистического материала), представляет собой методiku с применением междисциплинарного подхода. Качественные методы позволяют анализировать официально-государственные и народные толкования путей преобразований алтайской деревни. Устные источники выявляют повторяющиеся формы человеческих взаимодействий как результат многофакторности развития — с одной стороны, государственной политики, идеологии — с другой; ментальности, мировоззрения рядовых участников, их отношения к преобразованиям. Анализ официальных нормативных актов показывает устремления государства, методы и пути преобразований. Устные источники содержат их толкование в народной среде, отражают реалии, которые отличались от заявленных государством способов. Объективность народной интерпретации подтверждают массовость и однотипность оценок сельчан в разных регионах Алтайского края. Народные интерпретации государственной политики в алтайской деревне в 1950–1960-е гг., повторяясь в общем, расходятся в деталях.

Преобразования алтайской деревни начались с укрупнения колхозов в 1950-е г. — слияния мелких колхозов в крупные через концентрацию производственной базы на центральной усадьбе. Для государства на первом этапе причинами переустройства алтайской деревни стали поиски средств укрепления экономики разрушенных войной колхозов (концентрация малосильного производства в колхозном секторе за счет объединения нескольких хозяйств в одно), решение кадровой проблемы (низкая профессиональная подготовка управленцев), эффективное внедрение новой техники и т. д. [9] Статистические показатели реорганизации колхозов достаточно полно отложились в государственных архивах. Они показывают, что процесс укрупнения

вылился в соревнование региональных партийных организаций и администраций за высокую степень обобществления колхозного производства: с 1 января по 15 июля в Алтайском крае 4 220 сельхозартелей были объединены в 1 149, из которых организовано 485 колхозов. Всего к концу пятой пятилетки в крае вместо 4 220 мелких колхозов появились 1 215 крупных коллективных хозяйств [10, с. 124]. Перегибы на местах вынудили частично заняться разукрупнением. К декабрю 1950 г. на Алтае были разукрупнены 32 колхоза-гиганта.

Второй этап укрупнения планировался в 1958–1960 гг. Реализация новой директивы была перевыполнена за год. Слабые колхозы не рассчитали финансовых возможностей в закупке техники. Это отрицательно сказалось на их экономике (затратили не только средства неделимого фонда, но и часть оборотных средств). Многие из них прекратили свое самостоятельное существование. Началось стихийное сокращение сети населенных пунктов, переезд людей из отделений колхозов на центральные усадьбы, сформировался культурно-бытовой и материально-технический разрыв между центральными усадьбами и их отделениями.

Судьба рядового участника в официальных документах об укрупнении не отражались. В данном случае можно говорить о том значении устной истории, с которой она начиналась в США в 1940-е гг. — как отрасль архивного дела. Документально-источниковой трактовки устной истории в отечественной практике придерживаются архивисты, музейщики; в исторической науке московская исследовательница Д. М. Хубова [11]. Акцент на документализме (развитие устной истории в 1930–1950-е гг. в США) нацеливал устную историю на «дополнение письменных источников», «заполнение лакун» в письменной документации, а устных историков — на сбор «материала для будущего его использования другими исследователями» [12, с. 8]. В этом отношении индивидуальные «истории снизу вверх» («история безмолвствующего большинства»), касающиеся реорганизации колхозов, имеют источниковое значение при анализе последствий реорганизации для сельского населения и восстановлении развития поселенческой структуры районов края.

Примером является интерпретация Е. Г. Горюновой (Малые Бутырки, Мамонтовский р-н) укрупнения колхозов: «Соединили Михайловку. У нас было два колхоза в деревне — Орлы и Красные Орлы. Сначала их соединили, потом Курган и Михайловку. Все в один колхоз сделали. Ну и стали разъезжаться. Была Березовка, Вознесенка, потом еще Север. Нет там ничего. А вот там Покровка, там были... Ключики, Махаиха — села. Сейчас их нет. Все поразорили».

На сегодняшний день влияние кампании по укрупнению колхозов на поселенческую инфраструктуру изучены слабо. В случае данного устного ис-

точника можно говорить о традиционных ожиданиях историков — восстановлении фактологической информации, которой недостает в архивных письменных источниках: хронологическом картографировании поселковой сети в 1940–1980-е гг., выявлении степени социально-экономической освоенности районов Алтайского края, создание каталогов и картотек исчезнувших населенных пунктов. Данная работа может быть выполнена сегодня не только историками, но и краеведами, учителями, школьниками.

По устным рассказам старожиллов можно восстановить изменения в территориальном расселении в последнее время (с 1950 г.), которое отличалось массовой гибелью малодворных поселений. Устные источники могут быть использованы для картографирования исчезнувших сел. Например, респондент К. Ф. Томилова назвала несколько исчезнувших сел вокруг Крестьянки Мамонтовского р-на: «И вот стали соединять колхозы. Крестьянка — это вообще село хорошее было, оно справедливое, трудолюбивое (обида за свои «перетащенные» в Крестьянку села не уничтожили чувства справедливости. По мнению информанта, сама Крестьянка не виновата. — Т. Щ.). А потом как начали, в той стороне Мироновка была, как сюда посогнали, начали эти дома двухэтажные строить. Вот Харьковка наша, еще Сыропятово... все сюда согнали. А Харьковка и Сыропятовка только построились...» Интервьюирование старожиллов Алтайского района позволило нанести на карту целый ряд исчезнувших малых сел: Верх-Айчонок, Каим, Щебенистый, Верх-Комар, Маралье, Сосновка, Светлый Луч, Дресвянку, Кыркылу, Шубинку, Верх-Каменку, Горный Партизан, Новопокровку, Сорокино, Усть-Широкий, Советский самолет, Красный Октябрь, 20 лет Октября, Ждановку, Ильинский, Усть-Кыркылу, Нижне-Булухта, Троицкий, Нижне-Каянчу, Николаевку, Погорелку, Светленький, Сумной, Малую Кыркылу, Пихтовый. В результате дополнение устноисторических исследований картографированием формирует фактологическую источниковую базу.

Таким образом, конкретно-исторический (краеведческий) результат устноисторических исследований в источниковом русле (документоведение) состоит в восстановлении географического размещения поселенческой инфраструктуры, включая сезонные, производственные, временные формы поселений на уровне разных административно-территориальных единиц: край, район, сельский совет (сельская администрация). Массовое укрупнение (слияние) колхозов сопровождалось не только сокращением количества населенных пунктов, но и их унификацией. В 1930–1950-е гг. на территории Алтайского края были созданы новые советские производственно-жилые единицы, обслуживавшие колхозно-кооперативный сектор экономики — МТС (машинно-тракторные станции) — обособленные от колхозов парки сельскохозяйственной техники, Заготскот — государственные пункты закупки — за-

готовки скота; Заготзерно — закупка (сдача) зерна, опытные станции — государственные научно-исследовательские селекционные учреждения, МТФ — молочно-товарные фермы, культстаны колхозов и т. д. На их усадьбах в 1930–1950-е гг. сформировались жилые массивы. Фактически в каждом районе Алтайского края существовали подобные населенные пункты. В ходе реорганизации колхозов производственная база, обслуживающая поселения, реформировалась, что привело к их исчезновению. Например, реорганизация МТС и передача техники колхозам (путем ее приобретения) привела к ликвидации поселков при МТС [13]. До наших дней сохранилась лишь часть подобных населенных пунктов. Так, в Буланихинском сельском совете (Зональный р-н) поселок МТС был ликвидирован, а Чемровская МТС преобразована в поселок Мирный.

2.2. Перевод колхозов в совхозы: народная интерпретация

В 1950-е гг. формой государственной поддержки аграрного сектора стал перевод маломощных колхозов (колхозно-кооперативная собственность) в совхозы (государственное финансирование). В отличие от колхозов, совхозы давали рядовому труженику материальную выгоду — гарантированную заработную плату взамен колхозных «палочек» за трудодни или натуральную продукцию. Для бывших колхозников это означало переход в материально обеспеченную группу с общегражданскими правами (денежная оплата труда, получение паспортов). Огосударствление колхозов — перевод нерентабельных или малорентабельных колхозов на государственное финансирование и превращение колхозника в рабочих совхозов — было продолжением политики превращения крестьянина в рабочего сельского производства, что углубляло раскрестьянивание. Материальное и финансовое положение совхозов было крепче, на их усадьбах за счет государственного финансирования проводилось благоустройство. Так, в Куячонке после создания совхоза бывшим колхозникам стали предоставлять жилье: «Сначала жили по 3–4 семьи в доме. А потом, в 50-е годы, стали строить дома, и нам один дом построили. Только и жить бы. Это власть все сделала — разогнали все деревни. Люди так бы и жили». Многие колхозники старались переехать из колхозов в совхозы: «Уехали из Куягана в Куячонок, потому что в Куягане колхоз был, жили плохо. А в Куячонке совхоз был, деньги давали и хлеб пекли, пекарня была, а у нас денег не было» (Гурашкины А. Д. и М. И., 1927, 1930 г. р., с. Куячонок. с. Куяча, Алтайский район). П. Н. Гурова (Зональный район) так характеризует обозначившееся в крестьянской среде стремление переехать из колхозов в совхозы: «Мои родители из Буланихи сюда приехали (пос. Восход). Потому что здесь совхоз, отделение образовалось и здесь совхоз. А там колхоз. И вот сюда в совхоз родители приехали. А дома побросали. А здесь

землянку на горочке выкопали. Там (в колхозе) все как-то отбирали. А здесь деньги. И вроде совхоз как деньги давал. За деньгами побежали сюда...»

В результате усилий государственной власти и местной администрации к 1960-м гг. в сельской местности сложилась колхозно-совхозная модель поселенческой инфраструктуры. Ее центрами являлись центральные усадьбы колхозов и совхозов. На них сосредотачивались административные учреждения (распорядительные органы власти – сельские советы и исполнительные органы власти – правления колхозов и дирекция совхозов), машинно-тракторный парк, ремонтные мастерские, горюче-смазочные материалы, объекты социально-бытовой и культурной сферы (школы, больницы, садики, клубы). Каждая центральная усадьба (колхоз, совхоз) имела разветвленную сеть подчиненных населенных пунктов – фермы, отделения, бригады. Традиционный крестьянский принцип соподчиненности населенных пунктов «село – деревни» был заменен схемой «центральная усадьба колхоза (совхоза) – фермы, бригады, отделения». В этот период активизировалась замена народной топонимики административной. Так, село Верзиловка Чарышского района, основанное переселенцами Смоленской губернии, в котором был создан колхоз имени Ворошилова (второе название – Ворошиловка), было переименовано в совхоз Маяк. Вошедшие в этот совхоз села Чайное, Малая Сосновка, Кураниха, Козловка и др. получили название Первая, Вторая, Третья, Четвертая фермы. Замена названий была освоена сельчанами, которые стали забывать родовые названия деревень, сел и заимок, основанных их предками. Каждый совхоз имел несколько отделений, совхоз – ферм. Их производственные базы были маломощными, культурно-бытовая база – слабо развитой. Предполагалось удовлетворять культурно-бытовые потребности жителей отделений и ферм на центральных усадьбах.

Фактически процесс реорганизации колхозов в совхозы явился первым шагом к политике ликвидации малых сел, послуживший причиной гибели сотен населенных пунктов Алтайского края. Нерентабельные совхозы не могли сами решить свои культурные, бытовые, технические проблемы, государство же выделяло мало финансовых средств, экономя на содержании малых сел. Такая политика завершилась очередной кампанией – ликвидацией неперспективных сел, сселением жителей малых сел на центральные усадьбы. Только в Алтайском районе были ликвидированы Большая Заимка, Куячонок, Маркитантка, Надеждинка, Теплое, Светлое, Лежаново, Верх-Каянча, Нижняя Устюба, Тавдушка, Тавда, Бирюкса, Луговской, Верх-Устюба, Мещанка, Прямая Сосновка, Верх-Баранча, Прожектор и др. Большинство из них прошли традиционный путь: колхоз – совхоз (его ферма) – неперспективное село. Их сначала огосударствили, а потом сократили. Этот путь прошла, например, Дресвянка Алтайского района, где, по словам очевидцев, был «кол-

хоз „Стахановец“, имели дойный гурт, держали молодняк, были кони, плуги (на лошадях пахали и боронили). Так старики жили до 1949 г. Хлеб сеяли. Хлеб сдавали в Куяган и молоко в Куяган — на сырзавод... В колхозе были трудодни до 1957 г. Пока мы не перешли на совхозную жизнь. В 1957 г. объединили «Стаханов» (Дресвянка), «Победа» и «Киров» (Куяган). Из них стал единый совхоз. До 1965 г. школа Дресвянки прикрылась. У меня тоже были дети, и я поехал в Куяган... Вся причина в объединении. Стали объединять — в Куягане радио, свет. В Дресвянке не было. Если бы не объединяли, то они бы выжили, расстроились бы» [Красилов Н. А. 1932 г. р., Дресвянка, Куяган].

2.3. Ликвидация неперспективных сел: сельские голоса

Финансовое бремя по содержанию увеличивающегося государственного сектора оказалось непосильным для государства. В 1960-е гг. начался новый этап преобразований. Основным способом стала политика сокращения сети поселений. Для этого были введены категории перспективных и неперспективных сел с последующей ликвидацией последних. Как все предыдущие кампании, реорганизация проводилась по инициативе советского государств и коммунистической партии, без согласования с крестьянами и учета их мнений и интересов. Причиной политики ликвидации сел была заявлена неудовлетворительная социальная база сельских поселений, улучшение которой требовалось для решения проблем водоснабжения, электрификации и т. д. XXIII съезд выдвинул установку на постепенное преобразование деревень и сел «в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием», на ликвидацию социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней [14, с. 143].

Для формирования новой схемы расселения создавались научно-исследовательские институты, преимущественного технического профиля, расположенные в отрыве от преобразуемых ими регионов (Москва, Новосибирск). Решения принимались без глубокой проработки, обследования территории, учета региональной специфики. Ликвидация неперспективных сел началась с массовых работ по составлению схем районной планировки. Основные материалы были подготовлены НИИ градостроительства и районной планировки Академии строительства и архитектуры СССР с участием ВНИЭСХ ВАСХНИЛ. Практика градостроительных решений в зависимости от численности жителей (для центральных поселков рекомендовалась численность 3–5 тыс. чел., для поселков производственных участков — 1–1,2 тыс. чел.) была перенесена на сельскую местность. В поселковой структуре выделили перспективные села с размещением нового строительства и неперспективные, намеченные к постепенной ликвидации. Таким образом, в качестве единственного пути совершенствования поселковой системы пред-

лагалась концентрация сельского расселения. Реализация политики переселения на центральные усадьбы привела к массовым миграциям населения из сельской местности. Чистая потеря населения для села составила две трети (более 60%) жителей ликвидируемых поселений. За период между переписями 1959 и 1970 г. в Сибири городское население приросло на 31,6%, а сельское сократилось на 12,2%. Для Алтая эти показатели были еще выше, с 1959 по 1970 гг. численность сельского населения сократилась на 30,3%, т. е. на 504,7 тыс. чел. [15, с. 13].

В целом на территории Алтайского края с 1959 г. по 1979 г. число сельских населенных пунктов сократилось на 48,8% (1939 пунктов). Порайонно картина более показательна: в Мамонтовском районе исчезли 15 поселений (Миронов Лог, Харьково, Потеряевка и др.), в Зональном районе – 21. Среди них малочисленные (Талица – 9 чел., Угловой – 34), средние (Слава – 126, Раздолье – 297) и крупные. В число неперспективных сел Павловского района попали старинные и большие села: Касмала, Харьково, Черемно-Подгорное, Фунтовка; Солонешенского района – Таловка, Калиниха, Большая Речка, Малиновка; Третьяковского района – Ключи, Поручиково, Лифляндка, Харьково и др. Процесс концентрации сельского населения в крупных поселениях отрицательно сказался на развитии поселковой сети. Вопреки задачам улучшения условий жизни, обеспечения демографической базы для создания полноценной социально-культурно-бытовой системы учреждений обслуживания, обратной стороной стало снижение уровня заселенности территории. Средняя густота сельских населенных пунктов в Сибири в 1959–1978 гг. уменьшилась почти в 2 раза, средние расстояния между ними увеличились в 1,5 раза. Средняя людность сельского населения в Сибири составила 450–455 чел. на 1 км², что в 1,8–1,9 раза выше среднероссийских. Показатели Алтайского края были самыми высокими в Сибири – 610 жителей на одной село, а в селах, насчитывавших свыше 1 000 чел., проживало 60% населения [16, с. 50–51].

В повторяющихся формах человеческих взаимодействий реализации политики ликвидации неперспективных сел выглядела следующим образом: в Алтайском районе «В 1948 г. слились 5 колхозов: „Красная пашня“ (Верх-Каменка), Буденный (Сорокине), „Новый путь“ (Лежаново), „Красная заря“ (Филелеев Лог). А потом слили нас в 1953 г. с „Мичуриным“, а потом с Пролетарской сливали, а потом разлили» (Агапов Д. Н.). В ходе слияния начался процесс миграции крестьян. В Маральем «в 1953 г. с верхнего края уже уехали Киселевы, Свиридовы, Батурины, Сидоровы, Зиновьевы, Казазаевы. А где-то в 1959–1960-х годах село вообще начало рушиться. Кто уехал в Кыркылу, кто – в Сарасу. Всё там закрыли. Школу закрыли. У всех дети, внуки – учить надо. Сначала слили и две Сосновки (прямую и Косую), а потом с Ма-

ральим, потом с Сарасой, Белым. Досливали — что все разъехались. Началось все разваливаться. И поехали...» [Курочкина В. И., 1929 г. р., с. Алтайское].

Устные свидетельства показывают, что методы советских преобразований 1950—1970-х гг. продолжили традиции 1930-х гг. — инициирование преобразований государственной властью сверху, без согласования с общественностью. Жители ликвидированных сел до сих пор не понимают причин их переселения: «Народ дружный был. Все работали и работали до часу ночи. А потом что-то перевернулось, и пошло, скот угнали, коров. Доить некого. Люди уехали». Несмотря на объявленный принцип добровольности, принятие решений о ликвидации сел не зависело от желания и интересов крестьян и носило принудительно-добровольный характер.

В анализе крестьянских толкований отражается однотипность оценок усилий власти: «Разъезжание началось с того, что начали укрупнять села, соединять. У нас была школа там до 3 классов, а у нас уже до семи было. А там фермы были, люди работали на фермах. А потом начали соединять в Крестьянку (Мамонтовский район). Ферму перегнали, людям делать нечего, пришлось ехать сюда. А учеников тоже учить не стали. Школу закрыли, тоже пришлось уезжать. А кто куда! Кто в Крестьянку, кто в Мамонтово, некоторые уехали. Кому куда любо было». Такой же контекст содержит рассказ М. Петровой о с. Ключи (Третьяковский район) — многие старожилы пытались сохранить село, но условия жизни ухудшались: «Сначала закрыли школу, потом магазин в Петровском. По первости еще ездили в магазин то в Семеновку, то в Верх-Алейку. Еще можно было бы жить. Там старики одни оставались, но магазина не было. Так последние уехали». Хотя будущее у Петровки было: «В войну еще и после войны дома строили». Характер устных источников подтверждает вывод, сделанный историками, работающими в русле англоязычной историографии «истории снизу вверх» о значении опыта (experience) интервьюера, через который «формируется самосознание человека и целых социальных групп», в данном случае крестьянства [13, с. 13]. Изучение опыта сельской социальной группы через субъективное восприятие истории через призму отдельной личности является характерной для устной истории, как метода изучения объективной истории.

«Сельские голоса» утверждают, что местные партийные и хозяйственные органы использовали открытое давление, создавали условия для вынужденной миграции населения — лишали население работы (переводили фермы, технический парк на центральные усадьбы или в села, отнесенные в разряд перспективных населенных пунктов), закрывали школы, здравпункты, клубы. А Качаринская из с. Черемное (Павловский район) объяснила: «Стало исчезать (Зеленый Клин), потому что не стало работы. Потому что угнали

скот в Солоновку, убрали от полеводства риги и т. д., и молодежь не стала оставаться. Потом убрали школу, магазин... в 1963, а в 1968 начался массовый отъезд. Мы увезли свой дом в 1970 г. Работы в последнее время не было, все работали на свекле. У кого дети подрастали — уезжали — детей надо было растить». Особенно остро встал вопрос о возможности обучения детей. Именно вопрос о школе для детей становился решающим в оттоке населения из сел: «Когда школы закрыли, а у каждого же дети, а в Крестьянке (село, получившее статус перспективного) до 7-го класса сначала было, а теперь уже 10–11, а у нас в Харьковке, в Сыропятовке только до 4 было. Вот и пришлось людям ехать. И по двое, трое и по четверо детей-то было, а учить-то надо было. И... школы-то прикрыли, и все, и давай разъезжаться все сюда. Тут Крестьянки третьей части-то нет, только со всех сторон съехались» (К. Ф. Томилова, Мамонтовский р-н, с. Крестьянка).

Государственная политика ликвидации неперспективных сел не предусматривала финансирование и организацию переселений из неперспективных сел на центральные усадьбы. Переселенцы обычно вспоминают: «Нас никто не заставлял. Сами поехали». Толчком к массовой миграции из села являлось закрытие школы, магазина, ликвидация производственной базы (ферм, технического парка, конюшни и т. д.). Таким образом, создавались условия, при которых не было перспективы для жизни, работы, учебы: «Мы уехали из „Прожектора“ где-то в 1960-е годы из-за школы. Школы не было. Потом все уехали из-за школы. Учителей не было, возить совхоз не хотел. Последние уехали в 1968 г...» В Дресвянке «в 1957 колхоз на совхоз перешел. Лет через 5 школу закрыли. А куда ребенка водить? Народ поехал. Также поселок под одно ликвидировали. И Дресвянку, Осиновку, Сосновку, Сумной...» Жителям Сосновки объявили, «что невыгодно держать эти села», к жителям с. Маралье «начальники приехали из бригад и сказали, что нас соединили с Сарасой, раньше там люди жили. Старики не шевелились до самой смертоньки». Видимо, вся предыдущая жизнь крестьян, жестокие методы раскулачивания, суровая дисциплина в военные годы, использование централизованной и карательной системы государства выработали у крестьян чувство беспрекословного подчинения. В период ликвидации неперспективных сел крестьяне фактически не оказывали сопротивления: «Нам говорили, что будет лучше — вы будете в агрогородке жить, у вас будет все. Агрогородки — это была хрущевская политика. Дети в школу будут ходить. Лозунг дали, и пошло объединение. И все эти мелкие поселки, села объединили и укрупняли». Многие старожилы с тоской говорят о своих селах, о его окрестностях, о желании возрождения и возвращения в родные места: «Политика такая. У меня тетя жила допоследу так (с. Лежаново), долго не хотела уезжать, такая усадьба хорошая, а что сделаешь — ни магазина нет, ниче-

го. Она последняя (Аксинья Ивановна Зиновьева) уезжала оттуда. Приехала с Украины и прожила на этом месте, детей родила. Потом пришлось бросить. И все уезжали так. Я не знаю, с радостью-то кто уезжал?! А ведь только мосты построить, и не надо трогать».

Массовость однотипных устных свидетельств позволяет говорить о высокой степени достоверности народных оценок методов аграрной политики. Прежде всего народная интерпретация отразила традиции партийно-государственной практики, которая расходилась со «словом» административно-партийных документов и инструкций. В нормативных документах объявлялся добровольный принцип укрупнения: «Объединение мелких колхозов в более крупные проводить на добровольных началах, широко организуя разъяснительную работу среди колхозников о целесообразности этого мероприятия» [17, с. 615]. Анализ воспоминаний показывает, что, несмотря на провозглашенный принцип добровольности, укрупнение колхозов и ликвидация неперспективных сел проводились чисто командно-административными методами, без научного прогнозирования и перспективной оценки развития населенных пунктов. В результате повсеместно начался процесс принудительно-добровольного переселения, как сказала М. С. Нисина: «Раз верхние склоняют. Куда ведут – иди. Сначала соединили Дмитриевку, Троицкое, Большой Луг и Вакулиху. И стал один колхоз. Потом соединили со Староалейкой». Интересно преломились в памяти простых колхозников аргументы агитаторов: «Собрали колхозное собрание и сказали – вот так, кто куда желает, только чтоб из поселка уехали. Объясняли, чтобы колхоз большой был. Что, дескать, по поселкам ездить. У кого один трактор, у кого ни одного»... В аргументах агитаторов крестьяне восприняли то, что волновало их самих. «Меньше, дескать, начальства будет, а то на каждый поселок по 30–40 начальников: у каждой бригады свой бригадир и помощник, и бухгалтер, и счетовод... Вот и соединили, чтоб начальства меньше стало. У нас один бригадир стал на 4 поселка».

В целом в представлениях крестьян реорганизация деревни, ее этапы (укрупнение колхозов, ликвидация неперспективных сел) слились в единый процесс. В народной интерпретации процесс сокращения населенных пунктов получил единое название «укрупнение». Тем самым крестьяне выделяют логическую нить, на которую нанизывалась вся партийно-государственная политика: укрупнение сел и концентрация населения.

Агитационная партийно-чиновничья деятельность завершилась деформацией психологии сельчан: формировалось чувство превосходства горожан над деревенскими, утверждался более низкий социальный статус колхозников (крестьян) в обществе, возникли уничижительные прозвища «Деревня!», «Колхозник!». У крестьян под воздействием неотвратимости гибели

периферийных сел утвердилось представление, что село доживает свой век и рано или поздно из него все разъедутся. Народная молва закрепила массовый и необоснованный отток сельского населения и гибель малодворных сел. Сельчане не видели перспективы жизни для своих детей. Под влиянием государственных преобразований продолжалось выхолащивание экономической самостоятельности индивидуального хозяйства, формировалось иждивенчество колхозов и совхозов. Значительная часть крестьян разучилась самостоятельно вести хозяйство, ожидало помощи государства. Земля потеряла свою ценность, и крестьяне стремились переехать в город. Такая психологическая установка способствовала инертному продолжению процессов сокращения сети сельских поселений в Алтайском крае до конца XX в. Если с конца 1980-х гг. процесс гибели сельских поселений замедлился: в 1989 г. исчезло 12 поселений, а в 1990 г. — 1, в 1991 г. с учета не было снято ни одного пункта. Однако уже с 1992 г. процесс снова начал набирать силу: только в 1992 г. исключены из учетных данных Алтайского края из-за выбытия населения 6 поселений — Серезиха Заринского района, Половниковка Калманского района, Макарово Кытмановского района, Малиновка и Покровка Топчихинского района, Федотовка Ключевского района; в 1994 г. — Таврический Верх-Суетского района; в 1995 и 1997 гг. — Новенькое Немецкого национального района; в 1996 г. — Преображенка Табунского района, Еропаново и Шумиха Солтонского района. А в период проведения переписи (2002 г.) с учета было снято 309 поселений. Особенно активно в последние годы сокращается сеть поселений с населением менее 500 чел. Запущенный государством процесс ликвидации сельских поселений стал естественным и является разрушительным для аграрного Алтая с его глубокими культурно-историческими традициями крестьянского мира.

2.3. Крестьянская традиционная и советская административная модель формирования поселенческой инфраструктуры в толковании крестьян

Народная интерпретация развития поселенческой инфраструктуры разных районов Алтайского края в доколхозный период (до 1930-х гг.) отражал адаптацию крестьянского производства к «кормящему ландшафту» Верхнего Приобья и товарно-производственную дифференциацию сельских сообществ. В начале XX в. в соответствии с природно-климатическими условиями сформировалась хозяйственная специализация семейного и коллективного производства алтайской деревни — земледельческая и земледельческо-скотоводческая (центральные лесостепные районы Алтайского края), скотоводческо-земледельческая (предгорные и горные районы), скотоводческая, кустарная (таежно-горные и лесные районы), скотоводческо-кустарная (таежные, лесные территории). Жизнедеятельность поселковой сети Алтая с сочетанием многодворных и малодворных поселений базировалась на

товарообмене. Традиции натурального товарообмена сохранились и при колхозно-совхозной модели, проходящей начальный путь технической модернизации. Уровень жизни колхозников и рабочих совхозов был низким и характеризовался колебаниями. Слабая техническая оснащенность усиливала зависимость сезонного сельского хозяйства от климатических условий конкретного производственного года.

Преобразование деревни в 1950–1960-е гг. не учитывало сложившегося географического разделения труда и районирования сельскохозяйственного производства. Реорганизация поселенческой инфраструктуры для всех товарно-экономических районов сельскохозяйственного производства проводилась одинаково. «Истории снизу вверх» отразили негибкость, неграмотность «управленцев сверху». Это показывает сравнение развития в советское время поселковой инфраструктуры в разных по природно-климатическим условиям зонах сельскохозяйственного производства на Алтае.

Восточная таежная и притаежная зона. Особенностью развития поселковой инфраструктуры северо-восточных районов Алтая являлось скотоводческая и кустарная специализация производителей (Залесовский, Кытмановский, Заринский и др. районы). Например, территория Кытмановского района делилась на две зоны: левобережье Чумыша – лесостепная холмистая часть с развитой сетью сельскохозяйственных поселений, правобережного – притаежная и таежная часть с развитой системой заимочно-хуторских и кустарных поселков. Только хуторов по переписи 1926 г. было свыше 30, многие из которых переросли в поселки – Золотое Корыто. На первом этапе упорядочивания колхозного землепользования в 1930-е гг. исчезло большинство малодворных хуторов и кустарных поселков, образованных традиционным путем – через переселение на Алтай из Европейской России. В 1950–1960 гг. процесс продолжился: исчезло 5 населенных пунктов – пос. Атаманиха, пос. Заготской, пос. Александровка, д. Большая Пановка, д. Черемнов Лог (укрупнили, соединив с Дмитро-Титово); к 1970 г. исчез пос. Синюха.

Особенностью формирования поселковой структуры Кытмановского района являлось образование литовских и эстонских хуторов в таежной зоне. По воспоминаниям Мильды Мартыновны Калковской (Смейл), ее родители приехали из Латвии в 1905 г. В пос. Синюха насчитывалось около 40 дворов, остальные поселенцы жили по хуторам: в 4,5 км от Синюхи находилась Неждановка, в 7–10 км – Кружало, в 9 км – Хмелевка, в 3 км – Таловка. Вокруг Синюхи было мало пахотной земли, таежные условия отличались частыми заморозками, поэтому там сеяли не пшеницу, а рожь, просо, лен. Хлеб же жители поселка покупали «на степи» (так называли села левобережья Чумыша). При обилии леса сельчане занимались изготовлением посуды из

дерева, заготавливали дрова, которые продавали или выменивали на хлеб в степи. В поселке был свой кузнец Брукман. К 1940 г. в поселке были образованы колхоз «Целтне», что в переводе означает «Подъем», коммуна «Строитель». С включением села в административный (колхозно-кооперативный) сектор в Синюхе стали «заниматься клевером», «сдавали семена государству». Как говорят старожилы «клевер выручал»: за центнер клевера давали 4 центнера пшеницы. Именно в это время в поселок стали съезжаться люди из окрестных деревень. В 1950-е гг. Синюху соединили с Хмелевкой, затем с Таловкой, потом к ним присоединили Макариху.

Макариха была образована кустарями-переселенцами, преимущественно из Вятской губернии (Урал) заселившие привычные для них таежно-лесостепные зоны с наличием сырьевой базы (дерево, глина, известняк и т. д.). Поселок стоял на притоке р. Сунгай. Как говорят старожилы, земли было мало, «жили промыслами». Население славилось своим гончарным промыслом, «вятские» гнали деготь, пихтовое масло и добывали известь. Мастера из Макарихи возили продавать свой товар «на степь» по деревням, многие земледельцы сами приезжали в поселок для покупки глиняной посуды. Уже в 1930-е гг. на основе производственных традиций вятских в поселке была создана промартель, где работало над изготовлением мебели около 10 чел. На базе кустарных сел (Макариха, Синюха и др.) был образован государственный леспромхоз. Причины гибели села респонденты толкуют так: «Когда лес был вырезан, тогда все и поразъехались». Предпоследним, примерно в 1975–1976 гг., из Синюхи уехал Эрнест Августович Вейс. Жителям, которые умели извлекать товарную выгоду из использования окрестных мест (тайги), делать в колхозно-совхозном производстве стало нечего. Огосударствление труда вынуждало их вливаться в другие производственные коллективы, выполнявшие государственный заказ.

В целом с 1970 по 1980 гг. на территории Кытмановского района исчезло 11 селений, с 1980 по 1990 г. – 4 (3 поселка и 1 село) [1918, с. 242–246]. Всего с карты Кытмановского района с 1950 г. исчезло 19 поселков и 8 селений. С 1991 г. исчезли пос. Врублевский (60 чел.), пос. Крумово (27 чел.), с. Заречное, поселки Антолинский и Ключи. Крестьяне стали искать промышленные заработки в шахтерской Кемеровской области. Е. С. Малютина (Малиновка, Заринский р-н) вспоминает: «Молодежь уходила, где-то там приглянулось... и два дня выходных [на предприятиях], а в колхозе же не было выходных, как возьмешь матушку-литовку и начнешь вкалывать. Больше всего почему-то стали уезжать отсюда в Гурьевское, в Кемеровскую область. Там шахты были, там заработок был хороший. Туда уезжали». В результате густая сеть кустарно-скотоводческих малодворных поселений правобережья Чумыша была уничтожена.

Место исчезнувшего с. Зорниково (Кытмановский район). Темная линия на склоне – поскотина. Архив ЛИК БГПУ

Горная и предгорная зона. На условиях товарообмена функционировала густая сеть поселений в предгорных и горных районах юго-запада Алтайского края (Солонешенский, Алтайский, Смоленский, Усть-Калманский, Краснощековский, Третьяковский районы). Самостоятельную перспективу развития имела группа кустарных сел – Никитинское, Чесноки, Зареченское, Казачьи Ключи. В первых жили выходцы с Урала, адаптировавшиеся на родине к непригодным для земледелия природно-климатическим условиям. В результате выходцы из Вятской, Пермской, Тобольской губерний обжиwali аналогичные таежные предгорные территории Алтая, основывали небольшие поселки. В интерпретации очевидцев села Никитское, Чесноки, Зареченское основали «россейские, из Перми... Еще при Николае пришли. Россейские и основали и Чеснокову, и Никитинское», «хлеб-то не сеяли, а кустарством занимались». Бывшая жительница Никитинского образно охарактеризовала состав населения: «Мой дед был кустарь, так и борозды не знал. И муж. Как где найдут осину на „обечайки“, так туда и едут. Всю жизнь на ней работали», «другие в Никитинском, кто лопаты стругал вручную, срубы рубили, тес пилили вручную, деготь с берез». Благодаря наличию леса и ремесленных навыков у жителей в Ключах также был создан промкомбинат по производству мебели, кухонной утвари, инструментов, срубов, в Петровском создали мастерскую, открыли смолокурный заводик: «Масло пихтовое гнали... Женщины лазили на пихту – рубили лапу [хвойную], мужики возили». В приусадебном хозяйстве крестьяне заводили пасеки, изготавливали ульи, держали скот. Личное хозяйство кормило семьи артельщиков. В ходе переустройства деревни 1950–1970-х гг. малодворные кустарные поселки

были ликвидированы. М. В. Петрова оценивала последствия ликвидации Ключей следующим образом: «Там был промкомбинат, производили плахи, тес, дуги, табуретки, стулья, тумбовые столы, парты. За партами к нам ехали из других районов. Сейчас спохватились: а где взять лопату, столы? Спыхватились, а людей не вернуть — все разъехались».

В предгорной и горной зоне Алтайского района за счет ликвидации малых сел сократились производительные угодья: заброшены небольшие горные пашни на склонах гор (мощная техника непригодна для их обработки), вытоптаны сенокосы, пашни, огороды и усадьбы на месте и вблизи исчезнувших сел. Так, на месте с. Лежаново Алтайского района сделали пригон, угодья на лето колхозный дойный гурт, сейчас держат молодняк. В Дресвянке при единоличном хозяйстве «главное богатство — скот. А для хлеба земли мало. Все ложки на лошадях пахали. А сейчас на этих отлогих местах на горах, солнцепеке, на технике не пропашешь. Сейчас на них овец пасут. У отца при единоличной жизни была лошадь. Вдвоем сбрасывались и пахали на пригорках. А кто раньше жил, у тех по логам пашня, кто позже — уж что останется». Поэтому особенно ценили в горах пригодные для хлебопашества земли, например в Филелеевом Логу: «Были ужасные поля. Там обширность большая (наше Маралье уже мне меньше нравилось). Поля большие. Какое раздолье!»

Вместе с тем проверенные десятилетиями сельхозугодья, оплодотворенные трудом крестьян и пригодные по своим качествам, климатическим и почвенным условиям поля, пашни, сенокосы до сих пор используются современными хозяйствами. Так, в наши дни из с. Алтайское за 18 км ежедневно возят доярок на место с. Лежаново. Показателен пример исчезнувшей Надежки, где условия более благоприятны для хлебопашества: меньше гор, камней, невысокие холмы. Надежка давала основные хлеба Пролетарке, а затем Сарасе. Основной причиной записи Надежки в неперспективные села было отсутствие хорошей дороги, невозможность добраться до нее. Село было разогнано, а когда его уже не стало, была сделана гравийная дорога, и в летнее время каждый день возят из Сарасы за 30 км 1-ю и 2-ю бригады, а при вывозе хлеба половину теряют по дороге. То же произошло с Сосновкой: «Объявили, что невыгодно держать село. Когда все разъехались, тогда дорогу сделали, людей возили работать. И сейчас скот стоит» [Грец И. П. Сосновка, Алтайское].

Лесостепная и степная зона. Благоприятное соотношение многодворных и малодворных сел сложилось в сельскохозяйственных зонах. Традиционный крестьянский способ освоения сельскохозяйственных угодий заложил основу инфраструктуры с крупными базовыми селами и сетью сезонных и постоянных малодворных поселений в виде заимок, хуторов, высел-

Место бывшего пос. Марчиха (Бийский район). Архив ЛИК БГПУ

ков, создаваемой вблизи производственных угодий. В 1950–1960-е гг. одни из них использовались как отделения колхозов и совхозов, другие являлись центральными усадьбами государственных и коллективных хозяйств. Густая сеть поселений позволяла эффективно использовать все степные участки. Ее сокращение привело к запустению сельхозугодий. Ярким примером является реорганизация поселенческой структуры Усть-Калманского района, расположенного в благоприятной для хлебопашества степной зоне Причарышья. В крестьянский период развития это был хлеборождающий центр Верхнего Приобья с многочисленными крестьянскими заимками. В советское время на основе заимок сформировалась плотная колхозно-совхозная поселковая сеть с развитым рентабельным земледельческим производством. Производимый коллективными хозяйствами хлеб стекался на усть-пристанский элеватор. В период сбора урожая очереди машин с зерном растягивались на несколько километров. Устные источники отразили эволюцию крестьянской модели освоения сельхозугодий в колхозно-совхозную структуру с последующим ее сокращением.

Исчезло с. *Кахтатово*, история которого началась с заимки крестьянина Кахтатова в конце XIX в. В 1960-е гг. село тянулось в длину на 3 км, в ширину составляло 1,5 км, насчитывало около 90 дворов. До войны на его усадьбе был организован колхоз, который в 1957–1958 г. был реорганизован в совхоз с центральной усадьбой в Приятельске. В 1963 г. Кахтатово вместе с другими отделениями совхоза Трудовик и Ясная поляна были признаны непер-

спективными. С ликвидацией производственной и культурно-бытовой базы люди в начале 1970-х гг. разъехались.

Исчезло с. *Большевик*. Оно было основано на месте заимок Старыгиных, семей Братенкова и пяти братьев Черниковых, за что заимку называли «Черникова забока» или «Черников околок». На месте заимки была основана коммуна, затем артель, в 1929 г. — колхоз. Началась его быстрая застройка. В новом селе появились 4 улицы по 8 домов каждая и 7 домов за р. Калманкой, ферма, ток, сад, рушка, кузница, пасека. Уже к 1937 г. колхоз «Большевик» стал передовым. К 1940 г. число дворов увеличилось до 120. В 1953–1954 гг. три колхоза, в том числе Большевик, им. Крупской, им. Кирова объединили, в 1957 г. передали в Усть-Калманский совхоз. Большевик отнесли к неперспективным селам. К 1974 г. село прекратило существование.

В благоприятной земледельческой зоне Усть-Калманского района часть сел, впоследствии ликвидированных, была создана в советское время. Село *Спартак* (Заветы Ленина) было основано на свободных землях между Бураново и Кабаново в 1928 г. председателем партийной ячейки П. Ф. Бобровым как артель «Спартак», затем преобразовано в коммуну «Заветы Ленина», в 1930-е гг. образовался колхоз «XVI партсъезд». А в 1950-е гг. решили «собрать хозяйства в одно целое» (Ново-Бураново, Усть-Ермилиха, Нижне-Бураново, Спартак), затем преобразовали в совхоз с центральной усадьбой в Ново-Бураново с 5 отделениями. Спартак определили бригадой от отделения, а затем отнесли к неперспективным. К 1967 г. оно исчезло. Но до сих пор его окрестности в летнее время используются для выпасов скота с его перегонном на зиму в Ново-Бураново.

Село *Соцмаяк* также возникло в 1920-е гг. как коммуна около с. Огни. Затем был образован колхоз. Рядом с ним было основано село-колхоз Мировой Октябрь. Каждое село насчитывало перед войной до 60 дворов. После войны создавалась культурно-бытовая база, расширялась производственная база, провели свет. В 1958 г. их укрупнили, объединив с Огнями. В 1960 г. был образован совхоз. Соцмаяк и Мировой Октябрь стали 1-м и 2-м отделениями совхоза, затем их отнесли к неперспективным. В 1963–1964 гг. оба села исчезли.

Крестьянка возникла как выселок «Парижская коммуна» в 3 км от Михайловки. Затем ее объединили с коммуной Ленина от Антоньевки, а в 1930–1931 гг. на их базе создали колхоз «Крестьянская газета». Построили школу. В 1957 г. село слили с Михайловкой и преобразовали в Михайловский совхоз. Всего с карты Усть-Калманского района исчезло более 10 сел. Численность населения района сократилась с 33 277 чел. в 1939 г. до 20 536 чел. в 1989 г. [19, с. 25–28].

Схема сети населенных пунктов Тальменского района (XX в.)

Последствия командно-административных преобразований. Кампания по благоустройству села, имевшая благие намерения – переселить людей на центральные усадьбы, создать там благоприятные бытовые условия для жизни и закрепить людей на селе – привела к противоположным результатам: резкому уменьшению сельского населения и непроизводительному использованию сельскохозяйственных угодий исчезнувших сел. Так, до 1950-х гг. на правом берегу Оби в Павловском районе было около полутора десятков сел: Зыряновка, Тиховское, Нечаевка, Ирба, Октябрьское, Шиловка и др. Села по р. Оби в Павловском районе были животноводческими отделениями колхозов с благоприятными условиями: заливные луга (старожилы говорили: скот свободно гулял, отъедался), богатые покосы. В том, что крестьяне когда-то имели заимки на полях, пастбищах, пасеках, был большой смысл: экономили силы, средства, труд. Все эти села были укрупнены и слиты с селами на высоком сухом левом берегу Оби – Елунино, Боровиково, где все земли были распаханы и не было пастбищ. В наше время каждую весну на пароме через Обь гурты колхозного скота и молодежь перевозят

на другой берег. После ликвидации правобережных сел каждый день утром и вечером паром везет доярок туда и обратно. Каждый день во время сенокоса перевозятся техника и рабочая сила. В Третьяковском районе возможности для занятия животноводством сузило строительство Гилевского водохранилища на Алее. Жители ушедших под воду сел — Дмитриевки, Троицкого, Вакулихи, Большого Луга и др. — рассказывали: «На увалах были пашни, а пастбища около Алея. А плотину сделали — теперь пастбища негде стало. Столько забоки по Алею было, столько чащи загубили. Корболиха без пастбищ осталась. Сейчас в угле откажут, и останемся без дров. Раньше-то по Алею рубили и сушили» (М. П. Калюжная).

Малые села выполняли свою роль: места выпасов, заготовки сена, посева зерновых. В горном Солонешенском районе всего 20 км разделяли с. Лютаево и Светлинское. Но лишь около Светлинского можно было заниматься хлебопашеством. Однако оно было зачислено в разряд неперспективных. Н. И. Жиров, бывший председатель сельсовета, пытавшийся отстоять село, услышал в ответ: «Мы вон в космос летаем, а ты в Светлинскую за 20 км от центральной усадьбы, что ли, не сможешь добраться?» Подобная история произошла в Третьяковском районе. Крестьянский опыт привел бывших жителей с. Петровского Третьяковского района, имевшего благоприятные условия для хлебопашества, к правильным выводам: «Хоть маленькая кучечка народу была, а хлеб садили и сено косили. Потом хотели восстановить. Покаялись, что разогнали. А кто восстановит? Которые умерли, кто уехал» (Н. М. Бутина). В. Д. Петрова подчеркивала значение села: «Основное направление хозяйства Петровки было откорм молодняка и хлеб выращивали. Много хлеба собирали. Возили в Кураевку, Раздолье (исчезнувшие села). Дойных коров было мало, а выращивали молодняк — хорошие выпаса. Откормят и сдадут. Опять с Верх-Алейки и Ново-Алейки пригоняли. Такие поселки разогнали». В ходе кампаний по ликвидации малых сел разрушалась десятилетиями формировавшаяся производственная специализация, обусловленная природными условиями и навыками коренных жителей. Старожилы помнят, что еще при единоличном хозяйстве вокруг Петровки были поля жителей Ключей, Чесноков и др.: «Столько оттуда в Верх-Алейку хлеба привозили». И до сих пор в окрестностях бывшей Петровки пасут молодняк, заготавливают сено, сеют хлеб. А вот работу выполнять едут издалека.

В Тальменском районе, как и на всей территории Алтайского края и России, одним из негативных последствий ликвидации малых сел являлось сокращение производительных угодий, ухудшение их обработки, потеря плодородности вследствие спешности работ и массового применения крупногабаритной техники. Например, после присоединения колхоза «Наше сознание» (Клюквенка) к колхозу Ново-Еловки «саму деревню уже в

Схема сети населенных пунктов Алтайского района

1970–1980-е гг. перепахали. Сначала травы засеяли. Потом хлеб. Только кладбище осталось. Потом на месте деревни держали 2–3 гурта молодняка для нагула. Раньше-то у нас под самое крыльцо пахали. Скотину хоть на привязи держи. Сейчас заросло все бурьяном кругом».

Процесс сокращения сети населенных пунктов, начавшись с идеи экономии средств путем отказа от экономической поддержки малых сел и укреплению за их счет центральной усадьбы, затянулся с середины 1950-х до середины 1980-х гг. Так, в с. Кунгурово сначала была ферма Тальменского совхоза, затем Озерского откормсовхоза. Его земли переходили из рук в руки, от одного хозяина к другому. Одно время решили, используя хорошие водоемы, основать утиную ферму. Затем, учитывая хорошие выпаса и места под сенокос, построили ферму крупного рогатого скота, соорудили по последнему слову техники арочные дворы. Однако управление хозяйством отделения из Озерок, за 30 км от него, не способствовало эффективности производства. Падали удои и привесы. В начале 1960-х гг. оставалось уже 15–20

домов, а с переводом гуртов на центральную усадьбу оставшееся население выехало.

Одной из веских причин ликвидации поселков называли отсутствие дорог. Например, в Межгорное этого же района напрямую можно было добраться только зимой, когда замерзло болото, а летом — в объезд или «гать через болото стелили». Село Заря Свободы находилось от центральной усадьбы на другом берегу Чумыша, куда зимой можно было ходить пешком, весной, когда сойдет лед, на лодках, а летом — по мосту, который каждый год настилали на сваи, а осенью убрали настил. С Клюквенкой никакого сообщения также не было: «Ни зимой, ни летом не проехать. Дождь летом брызнул — на машине не проедешь. Зимой снег пошел — уже не проедешь. Возили только что на лошадях». Эта проблема была решена путем ликвидации сел Межгорное, Заря Свободы, Клюквенка в 1960–1970-е гг. Старожилы называют эту политику «стихий», подчеркивая, что «на развал этих поселков повлияло отсутствие внимания к их нуждам. Если бы обратили внимание на людей, которые там живут, и создали условия, никто никуда бы не поехал. А уж коли сами так построили, чтобы люди уехали — поэтому вынуждены были уехать. И поселки самоликвидировались. И остался один пепел».

В Тальменском районе на месте исчезнувших сел энтузиасты пытаются создать фермерские хозяйства, используя их благоприятные для хлебопашества условия. Так, вокруг исчезнувшего поселка «Заря Свободы» находилось 200–300 га пашни колхоза «Родина» с центральной усадьбой в с. Зайцеве, сенокосы, ферма. «Они и хлеб растили и животноводством занимались. Дойного стада не было, а была ферма молодняка. Ближе к кормам. Они заготовливали корма и возили в Зайцеве. Сенокосы у «Родины» в основном были на «Заре Свободы». Они зимой горючее завозили и весной сев начинали как все. Потом колхоз «Родина», в который «Заря Свободы» входила как отделение, стал меньше обращать внимания на них. Сначала сеять стали меньше. Луга в основном образовывали. Стали заготовливать меньше, скот забрали».

Необдуманная политика переселения из мелких хозяйств в крупные содействовала миграции сельского населения. Развитие сети сельских поселений в советское время показало нецелесообразность ориентировки на преимущественное развитие центральных поселков без существования малых сел. Администрированием были ликвидированы малые села. Развитие базы общественного производства требовало разнообразных форм и размеров сельских поселений, сочетания крупных, средних и мелких форм хозяйствования. Для развития сезонного сельского хозяйства, зависящего от природно-климатических условий, требовалась высокая доля индивидуального тру-

да на конкретной земле. В доколхозный период это реализовывалось через формирование сети малодворных пунктов (выселки, заимки, хутора), ориентированных на обработку отдаленных производственных угодий. Одна община имела большие массивы земли, обработку которой сообразно необходимости обслуживали распределенные на его территории поселения. В зарубежных странах начавшийся процесс индустриализации и урбанизации также закреплялся хуторским хозяйствованием. В России же в колхозный период число мелких сельскохозяйственных поселений сократилось, произошло укрупнение оставшихся.

Особенно негативно все это стало сказываться на современном этапе формирования крупного коллективного хозяйства, которое сопровождается запустением значительных производительных угодий. Это усиливает низкую заселенность и социальную освоенность территории края, создает худшие условия в транспортной обеспеченности сети поселений, их обслуживания. Необдуманность и необоснованность ликвидации в колхозах и совхозах небольших рентабельных ферм, малодворных отделений привели к сокращению производительной базы сельского хозяйства и квалифицированного потомственного сельскохозяйственного производителя. Переселение крестьян привело к уменьшению численности трудоспособного населения, так как значительная часть переселенцев не желала оседать в предложенных селах. Они стремились уехать в города, поселки городского типа. С территории Алтайского района много крестьян уехало в Кузбасс с развитой промышленной базой, на заработки. Необдуманная политика переселений из мелких хозяйств в крупные содействовала миграции населения в города. Способствовали урбанизации населения недостаточная материальная заинтересованность колхозников, низкая оплата труда, нелегкие условия труда и быта, а также постоянный спрос на рабочую силу со стороны промышленности, переживавшей на Алтае в 1950–1970-е гг. бурное развитие. Решение социально-бытовых вопросов было поставлено в жесткую зависимость от механического процесса ликвидации «неперспективных сел» и свелось к ликвидации мелких населенных пунктов. Богатый опыт реформирования сел в советское время позволяет сделать следующие выводы: нельзя допускать административного разрушения деревни и самоликвидации малых сел из-за недостаточного развития в них общественного обслуживания и путей сообщения. Специфика сельскохозяйственного производства требует разнообразных форм и размеров сельских поселений, благоприятного сочетания крупных, средних и мелких форм хозяйствования.

Источники и литература

1. Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников // Школьное краеведение. М., 1993. С. 3–24; Она же. Устная история и краеведение // Преподавание истории в школе. 1998. № 5. С. 60–66.
2. Oral history Association (United Kingdom), январь 2003.
3. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х – начало 1960-х годов. М., 1992.
4. Шуламит Рейнхард. Феминистская устная история // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика: Сб. ст. Бишкек, 2001.
5. Щеглова Т. К. Исторический очерк сел Алтайского края // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995.
6. Теодор Шанин Методология двойной рефлексии в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е. М., Штенберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
7. Джоан Сангстер Рассказывая наши истории: дебаты феминисток и использование устных историй // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика: Сб. ст. Бишкек, 2001.
8. Щеглова Т. К. Предисл.: административно-территориальные изменения Алтайского края за 1939–1991 гг. // Административно-территориальные изменения Алтайского края за 1939–1991 гг. Ч. 1. Барнаул, 1992. С. 7; Щеглова Т. К. Предисл.: Об изменении числа и состава сельских населенных пунктов Алтайского края за 1939–1991 гг. // Административно-территориальные изменения Алтайского края за 1939–1991 гг. Барнаул, 1992. Ч. 1; Щеглова Т. К. К вопросу о развитии сельских населенных пунктов Алтайского края в советское время (20–80-е годы) // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: АГУ, 1994. С. 190–193.
9. Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле. Постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967.
10. Алтай в послевоенный период / Под ред А. Н. Лизиной. Барнаул. 1974.
11. Хубова Д. М. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
12. Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.
13. О развитии колхозного строя и реорганизация машинно-тракторных станций. Постановление Пленума ЦК КПСС. 26 февраля 1958 г. На его основе принят соответствующий закон от 31 марта 1958 г.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1961–1965. М., 1986. Т. 10.
15. Щеглова Т. К. Предисловие // Административно-территориальные изменения Алтайского края за 1939–1991 гг. Барнаул, 1992.
16. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980 гг. Новосибирск, 1991.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967.
18. Административно-территориальные изменения Алтайского края за 1931–1991 годы. Барнаул, 1992.
19. Щеглова Т. К. К истории населенных пунктов Усть-Калманского района в советское время: по материалам экспедиции 1995 г. // Ползуновские чтения 1996 года: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул–Усть-Калманка, 1996.